

ПОНЯТИЯ — ОБРАЗЫ — СИМВОЛЫ

Р. Г. Баранцев

Триадность есть первое определение единства; она символ этого единства.

А. Белый ([1], с.53)

Три компоненты культуры — наука, искусство, религия — порождены, надо полагать, способностью человека мыслить одновременно и понятиями, и образами, и символами [2]. И если «мир языка располагает потенциями, необходимыми для осуществления целого» ([3], с. 86), то реализация этих потенций требует привлечения всех средств выражения. *Играть в сопоставление понятийного языка науки и образного языка искусства — недостаточно.* Символ необходим как самостоятельная, независимая, фундаментальная языковая сущность. Он «неразложим ни в эмоциях, ни в дискурсивных понятиях» ([1], с. 81). И он спасает от провала в «ущелье дуализма».

В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задаёт меру совместности. Таков принцип неопределённости-дополнительности-совместности в тринитарной философии [4]. Семантическая формула системной триады

интуицию

рацио эмоцио

проявляется как смысловой архетип во всех основополагающих открытиях науки, в гениальных произведениях искусства, в жизнеспособных религиях мира.

Как показывает история культуры, целостность живого достигается лишь при динамическом балансе всех компонент системной триады. Чрезмерное усиление или ослабление отдельных компонент разрушает целое. В динамике жизни каждый элемент триады играет мерообразующую роль в совмещении двух других.

В цивилизации Запада, основанной на науке, преобладает рацио. Стремясь к объективности, наука избавлялась от всего личностного, отрываясь тем самым от жизни. Но жизнь брала своё и «тащила на поводу упирающуюся науку» ([5], с. 116). В результате «западная культура XX века явила удивительное зрелище тяжбы между сциентистами и экзистенциалистами; бессердечной голове было противопоставлено безголовое сердце» ([6], с. 151). Оппозиция *рацио-эмоцио* по сей день активно проявляет себя в таких диадах, как тело — душа, экономика — политика, наука — искусство.

Дух как автономный элемент трихотомии человеческого существа был упразднён отцами церкви ещё в IX веке путём сведения к свойству души. «Последствия этого решения трудно переоценить... Чего стоит один кошмар всех будущих психофизиологий, тщетно бьющихся над проблемой совмещения души и тела, которые в силу исключённого третьего оказались на редкость неуживчивыми и даже альтернативными!» ([7], с. 57).

Бинарная оппозиция *экономика-политика* продолжает господствовать в социуме. Но политический нос и экономический хвост России вязнут сейчас в безнравственной реальности, и к спасительному совмещению их мы можем прийти, только повышая уровень общественной нравственности посредством личных поступков, возвращающих смысл таких понятий, как честь, достоинство, совесть. В гармонически развитом обществе экономическая, политическая и духовная сферы должны находиться в динамическом равновесии [8].

Диада *наука-искусство* укоренилась в проблеме двух культур, в русле которой плывёт и наша конференция.

Другая фундаментальная оппозиция складывается по линии *рацио-интуицио*, находя выражение в антитезах типа вещество — поле, материя — идея, наука — религия.

Вещество и поле как два вида материи продолжают бороться за статус первичной фундаментальной сущности, хотя принцип дополнительности, предложенный мудрым Бором, казалось бы, должен был их примирить. Но альтернативность не даёт покоя без мерообразующего фактора, которым должна стать эмоциональная компонента. В качестве гипотезы мы предложили следующую триаду фундаментальных аспектов материи [9]:

поле

вещество сила.

Оппозиция *материя-идея* была секатором бесславно почившего так называемого основного вопроса философии. Оживляя эту диаду через *человека*, трудно сейчас понять, как можно было ставить основной вопрос философии столь бесчеловечно.

Великое противостояние науки и религии, входя в диалог, обретает, наконец, черты сотрудничества [10]. Давно предлагая себя в качестве посредника, искусство свободно от догматов логики и веры, в которые упираются уважаемые оппоненты.

Оппозиции типа *эмоцио-интуицио* не сформировались в той же степени, так как рациональный мир сбрасывал всё иррациональное в одну неразличимую смесь. Несводимость, самоценность, фундаментальность этих сторон раскрывается в современной синергетике по мере различения, наряду с предметным, психологического (жизненного) [11] и семантического (смыслового) [12] пространств. Но даётся это непросто. Попробуйте, например, узреть принципиальное различие между бездушной духовностью и бездуховной душевностью.

Приведённые примеры нетрудно спроектировать теперь на нашу триаду

символ

понятие образ.

Споры между понятиями и образами разрешаются с помощью символов. Так, символы ритуала, проявляя синтезирующий характер, объединяют, согласно В. Тэрнеру ([13], с. 12), разнородные и логически несовместимые идеи, преодолевают конфликты. Смысл слова, разбитого на термин и образ, возрождается, как полагает А. Белый [14], в жизни ритма. Книга, спектакль, лекция доставляют нам не только информацию и удовольствие; спонтанные ассоциации, возникающие при этом интуитивно, оказываются не менее ценными.

Диалог понятия и символа становится безжизненным, если не находит своего выражения в образной форме. Художественное творение — наиболее адекватное воплощение союза интуицио и рацио ([15], с. 98).

Различая образ и символ, довольно трудно фехтовать ими без вербализации. «Живое, изреченное слово не есть ложь», — парирует А. Белый ([1], с. 131) известный разящий выпад Ф. Тютчева.

Оставлять какую-либо компоненту нашей триады в одиночестве ещё более губительно для целостности.

Что может дать строгое понятие, не допускающее образа и символа? Может ли жить тело, лишённое души и духа? «Правду никогда не созерцали обнажённой, — писал А. Франс. — Вымысел, притча, миф — вот наряды, в которых люди всегда узнавали и любили её» ([15], с. 7). Когда слово «остаётся голым понятием, его эмоциональный заряд исчезает в песках интеллектуальной пустыни» ([16], с. 93).

А что даст образ, за которым не видно символа и который не находит словесного выражения? Или символ, не воплощённый в понятия и образы? Существуют ли они больше, чем абстракции эстетизма и фанатизма?

Пытаясь раскрыть смысл каждой компоненты триады, мы выделяем их, но не можем вырвать из сети отношений и невольно пользуемся услугами отодвинутых соседей. Три

структуры, представляющие математику Бурбаки — порядковые, алгебраические, топологические, — будучи, прежде всего, понятиями, осмысляются не без помощи образов и символов.

Целостный смысл достигается в синтезе тех же трёх аспектов внутренней структуры, как понятия, так и образа и символа. При этом способ различения может быть заметно личностным. Так, если И. Кант различал искусства словесные, пластические, игровые ([2], с. 63), то А. Сокуров осуществляет в своём творчестве единство литературы, живописи, музыки ([17], с. 72).

Ещё богаче спектр представлений о символе. Вот три взгляда известных авторов.

К. Юнг: «Символом мы называем термин, название или даже образ, обладающий помимо своего общеупотребительного ещё и особым дополнительным значением, несущим нечто неопределённое, неизвестное. Символическим является такое слово или образ, значение которого выходит за рамки прямого и не поддаётся точному определению или объяснению. Когда разум пытается объять некий символ, то неизбежно приходит к идеям, лежащим за пределами логики» ([16], с. 15).

П. Флоренский: «По Платону, это идея, тип бытия; по Гёте — первоявление, протофеномен; Вяч. Иванов предпочитает называть это символом... Но речь идёт об одном... Творец должен возвысить единичное до всеобщности, увидеть в нём символ, всё собою охватывающий... Часть, равная целому, причём целое не равно части — таково определение символа. Роза — не лепестки, но лепестки — роза» ([5], с. 125–126).

В. Тэрнер: «У символов есть три особенно значительных параметра: экзегетический, операционный и позиционный» ([13], с. 41).

Символ часто конкурирует со знаком. В треугольнике Фреге

концепт

денотат сигнификат

символ скрывается в концепте, являясь интуитивной компонентой знака. Аналогичную роль он играет в классификации знаков у Ч. Пирса: знак–изображение (icon), знак-индикатор (index), знак-символ (symbol) ([18], с. 240). То же положение и в нашей триаде, если рассматривать её как ещё один вариант трихотомии знака.

Однако символ претендует на большее. К. Юнг пишет: «Знак всегда меньше, чем представляемое им понятие, тогда как символ всегда заключает в себе больше, чем его очевидное и сразу приходящее на ум значение. Более того, символ — это естественный и спонтанно возникающий продукт» ([16], с. 49). А. Лосев, отмечая, что у Ч. Пирса насчитывается 76 разных типов знака, формулирует следующую аксиому символа: «Всякий знак может иметь бесконечное количество значений, то есть быть символом» ([18], с. 64). Убедившись, что знак понимается в Тарту весьма близко к термину *символ* (с. 242), А. Лосев вопрошает: «Не лучше ли будет вместо „трудов по знаковым системам“ говорить о „трудах по символическим системам“?» (с. 243).

К. Свасьян, напомнив этимологию символа (греч. *сymbалло* означает «сталкиваю вместе», «сбрасываю вместе»), трактует его как синтез формы и содержания, морфемы и метаморфемы. Проведя символ сквозь строй десяти различных морфем, К. Свасьян приходит к выводу, что ни одна из них не исчерпывает всей природы символа. «Все звенья ... специфицируют знаковую выраженность символа в модальном отношении, то есть в отношении его возможности (аллегория, понятие, явление, тип), действительности (метафора, образ, олицетворение) и необходимости (парабола, миф). Формализм не в состоянии охватить целостную природу символа; ему подвластен лишь пласт морфемы» ([6], с. 115).

«Проблема символа, — пишет далее автор, — есть проблема не формы как априорно положенного догмата, а формы в движении» (с. 132). На динамику обращает внимание и А. Лосев, говоря, что элементы триады

СИМВОЛ

знак миф

«сами собой явились вполне естественным результатом понимания языка не в виде застывших грамматик и словарей, но в виде живой стихии человеческого, то есть осмысленно-жизненного, общения» ([18], с. 4).

Окунаясь в язык, можно видеть его инструментом не только общения, но также познания и мышления. Охватывая все пласты жизни, язык является экосферой человека, в нём «заложено объяснение бытия» ([5], с. 128). Он может позволить себе побыть машинным, стилизованным, мистическим, но всегда остаётся естественным, жизнеспособным, творческим. По сути своей он «вполне может служить символом целого» ([19], с. 276).

«Язык — символичен» ([6], с. 47). И всё же в триаде сознания у В. Налимова ([12], с. 283)

СМЫСЛ

текст язык

его место — не интуицию, а эмоцию, там, где движение, общение, жизнь. Пространство общений, связей, взаимодействий — самое естественное для языка. Он лучше раскрывается в онтологии отношений, чем в онтологиях вещей или свойств. Магия языка может быть выражена через плотность сети отношений. Не случайно современная семиотика, следуя физике, тяготеет к этой онтологии.

Мир отношений существенно разнообразнее, интереснее, богаче, чем мир вещей. Возможно, именно в нём заложена фундаментальная сущность эволюции [20]. Во всяком случае, когерентная тайна синергетики кроется в переходных слоях между масштабными уровнями, где встречаются разные законы, действуют смешанные языки, рождаются новые смыслы [21]. Крутые градиенты способствуют актуализации творческого потенциала природы. В. Тэрнер пишет о ритуалах перехода, символика которых обладает онтологической ценностью ([13], с. 17). Мощностные отношения порождает богатство символов, образующих лиминальное (пороговое) состояние выхода в новые измерения семантического пространства. Такие трансмерные переходы могут быть необходимым условием разрешения противоречий, возникающих в исходном пространстве [22].

Однако увеличение размерности должно ограничиваться числом измерений, достаточным для достижения целостности [23]. Природа демонстрирует наличие рубежа Планка, несущего меру онтологической неопределённости. Этот рубеж ставит ограничение на размерность семантического пространства. Формальное продолжение переходит в самоорганизованную критичность. Узость коридора эволюции проявляется здесь в оптимальных свойствах трёхмерности, замеченных ещё П. Эренфестом. Поэтому смысловым ориентиром тут может эффективно служить семантическая формула системной триады. Если удастся скомплексировать существенные факторы по тринитарному образцу, работа по свёртке разнообразия, отсеиванию мелочей, сжатию информации в макропараметры будет проходить целенаправленно.

При этом комплексы, возникающие сначала как символы, обретают жизнь в образном представлении, получая постепенно понятийный статус параметров порядка. Возможен и обратный процесс превращения понятия в символ. «На высоком уровне абстракции, — пишет Ю. Манин, — понятия теряют терминологичность и способны стать культурными символами времени: вспомним судьбу слов *эволюция*, *относительность* или *подсознательное*. Спускаясь ступенькой ниже, мы встречаем понятия, которые ещё не символы, но уже почти не термины: множество, симметрия, пространство–время» ([24], с. 4). Структура системной триады не страдает жёсткостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика. 1994, 528 с.
2. *Баранцев Р. Г.* Универсальная семантика триадических структур в науке-искусстве-религии // Языки науки — языки искусства. М.: Прогресс-Традиция. 2000, с. 61–65.
3. *Григорьева Т. П.* Предвечность языка // Языки науки — языки искусства. М.: Прогресс-Традиция. 2000, с. 82–86.
4. *Баранцев Р. Г.* Принцип неопределённости-дополнительности-совместности в тринитарной методологии // Научные труды РИМЭ. Вып.5. Рига. 2001, с. 91–95.
5. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли // ВИЕТ, 1989, № 2, с. 115–132.
6. *Свасьян К. А.* Проблема символа в современной философии. Ереван. 1980, 226 с.
7. *Свасьян К. А.* Становление европейской науки. Ереван. 1990, 377 с.
8. *Маляска П.* Триединая гармония и преобразование общества // Идеи Н. Д. Кондратьева и динамика общества на рубеже 3-го тысячелетия. М., 1995, с. 28–44.
9. *Баранцев Р. Г.* Концепции современного естествознания: опыт целостного подхода. СПбГУ, 2001, 80 с.
10. *Любищев А. А.* Наука и религия. СПб.: Алетейя. 2000, 358 с.
11. *Князева Е. Н.* Методы нелинейной динамики в когнитивной науке // Синергетика. Том 4. М.: МГУ. 2001, с. 174–187.
12. *Налимов В. В.* Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М.: Прогресс-Традиция. 2000, 344 с.
13. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука. 1983, 277 с.
14. *Белый А.* Ритм и смысл // Труды по знаковым системам. Том 12. Тарту. 1981, с. 140–146.
15. *Диденко В. Д., Кортунов В. В.* Восхождение к непостижимому. М., 1998, 187 с.
16. *Юнг К. Г.* Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997, 368 с.
17. Александр Сокуров на философском факультете. СПб, 2001, 98 с.
18. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. М.: МГУ. 1982, 480 с.
19. *Шишкина Л. С.* Язык как естественная модель становления целого // Синергетика и методы науки. СПб: Наука, 1998, с. 260–277.
20. *Хайтун С. Д.* Фундаментальная сущность эволюции // Вопросы философии, 2001, № 2, с. 152–166.
21. *Баранцев Р. Г.* Бинарная наследственность, тернарные структуры, переходные слои // Синергетика. Том 3. М.: МГУ. 2000, с. 353–361.
22. *Кобляков А. А.* Теорема о трансмерном переходе как непреломном условии творческого устранения противоречий и парадоксов // Математика. Компьютер. Образование. Вып.7, часть 1, М., 2000, с. 57–61.
23. *Баранцев Р. Г.* Комплексирование целостности // Глобализация: синергетический подход М.: РАГС, 2002.
24. *Манин Ю. И.* Математика и физика. М.: Знание. 1979, 64 с.